

ГРАНИ

GRANI

156

1990

Verlagsort: Frankfurt/M., April-Juni

Леонид РЖЕВСКИЙ

Встречи и письма*

(О русских писателях Зарубежья
1940-1960-х гг.)

А. М. РЕМИЗОВ

К Алексею Михайловичу Ремизову, на улице Буало, заходил я неизменно, когда бывал в Париже. И переписывались мы довольно часто, - перебираю сейчас его письма - их около двадцати в моем архиве. К сожалению, и знакомство наше, и переписка начались очень поздно - в последнее пятилетие жизни писателя. Это был 1952 год. Тогда, оправившись после последствий плена и тяжелой болезни, я работал редактором журнала "Грани" и поехал в Париж - встретиться с жившими там русскими писателями: Буниным, Ремизовым, Тэффи, Алдановым и другими...

Ремизов в это время был уже одинок после смерти Серафимы Павловны, его жены, и это впечатление одиночества семидесятипятилетнего писателя поразило меня. Выглядел он болезненно и бессильно, слепнул уже, как говорил сам, "не по дням, а по часам", но был очень радужен, разговаривал охотно, с живостью, доброжелательно и немножко лукаво, но никого из коллег своих не бранил, хотя и называл нелюбившего его Бунина "муфтием".

Знакомство с Ремизовым в эту первую нашу встречу не только, я бы сказал, состоялось, но и "завязалось", и с удовольствием вспоминаю теперь, что за следующие, примерно, пять лет я напечатал в "Гранях" несколько его вещей: "Статуэтку", "Сказки", "Письма Горького" с комментариями и другие работы. Притом письма его и наши беседы не ограничивались только деловыми, редакционными вопросами, но возникало в них немало чисто литературных и литературоведческих тем. Трогали меня в этих письмах дружески-доверительные интонации в сообщениях о себе, сам почерк их - вязевый, остороконечный, с завитушками и старинным "парафом" - кружевным росчерком в конце. И почерк, и роспись с каждым годом становились невнятнее, буквы по две, по три сливались в одну - иное письмо так и не расшифруешь полностью. Трогательны были приглашения приезжать. Вот, в письме от августа 54-го:

"Приезжайте осенью на виноград, когда все пропадет, Париж опустеет, и только я останусь караулить"...

Или в письме от января следующего года:

"Жду вас. Парижский сезон май - музыка!"

Еще выдержка из письма от 7 августа 1954 года:

...печатается в "La Parisienne" ("Ла Паризьен") "Савва Грудцын". Пошлю Вам, когда закончат. В "Preuve" ("Прэв") напечатали из "Взвихренной Руси" с предисловием пана Чапского. Некого послать в редакцию -

все гуляют" В "La Revue" ("Ла Ревю") - из "Пляшущего демона", номер задержан до октября. Гонорар я не получил, но прислали для поощрения шампанского. Вот я и думаю: приедете в Париж, будет чем угостить. Шампанское не продажное, из виноградников издателя.

Боюсь, трудно Вам будет мое письмо: сегодня туман, пишу, не разбирая своих букв. Слово Чапского в "Revue" ("Прэв"), а главное портрет - Чапский хотел представить меня пузырем из "Вия" - тронет сердце Чеховского издательства, и редакция решит напечатать мою книгу "Иверень". Алексей Ремизов.

В нью-йоркском "Издательстве им. Чехова" и с редакциями ряда русских периодических изданий отношения у Алексея Михайловича были натянутые: "В "Новом журнале" меня больше не печатают, - жалуется он мне. - Не отказывают, но ставят в очередь - "до самой смерти". В "Новом Русском Слове" тоже..."

И в других письмах о том же:

Дорогой Леонид Денисович!

Я вам всё посылал французские о себе отклики, а вот и русское "в шею" /.../ Сейчас в Чеховском издательстве поднялось гонение на моего "Иверня" - рукопись подана для издания. Говорят: "Не для нашего читателя". Я согласен, я не продажный. И я готов заменить название книги - взблеск "Иверня" черепашьюм "Кочевник", буду доволен и самым маленьким гонораром, какой для приличия дается заштатным писателям. Для меня важна книга: я рассказываю, как и почему я стал писать, и как попал в литературу, о встречах - люди и нелюди ("Устьсысольская кикимора"). Пишу это Вам, Вы поймете. Ведь все мои доброжелатели - они не позабудут, принесут мне хлеб, молока, папиросы, но все они на стороне праведных судий и оценщиков искусства

с карманными словарями русского языка. Трудно защищаться, пробую стороной разъяснить мое право просить об издании книги, хотя бы и не для "нашего читателя".

Это мое весеннее письмо для Вашего исторического архива.

В основе редакторской "холодности" к Ремизову лежала трудность прозы его для широкого читателя. Читательских жалоб на эту трудность было предостаточно - сказовый склад, свобода и некая причудливость словоотбора была многим не по плечу. Он был влюблен в узорчатость русской старинной речи и пытался воскресить ее формы и звучания в современном литературном языке. В связи со своими вещами, которые печатал я в "Гранях", он писал мне:

Меня долбят тридцать лет: пишу не по-русски. Я думал, Вас не тронут, но и на Вас нашелся стригольник /.../. Судя по всему, Вас упрекают за меня...

И немного позже:

Посылаю Вам в "запас" "Мою литературную карьеру". С каким мордобоем вперся я в литературу...

В некоторых письмах А. М. Ремизова - отзывы на прочитанное в "Гранях", интересные сами по себе. Таков, например, его отзыв на мою "Сентиментальную повесть" в № 21 "Граней" или на рассказ "Желтая Волга" даровитого молодого автора Кашина, ушедшего потом в немецкую журналистику. Тут же - тоже очень интересные, по-моему, замечания о языке. Вот выдержки:

Одно хорошее скажу о вашей "Сентиментальной повести". Ваш способ описания "проеекционный", расширяет пространство: видно больше, чем под носом, и чувствую. Большое искусство. Русским в науку, не избалованы и не переели, как французы...

/.../

Только вчера прочитали мне Кашина. Слушал, перебирая слова губами. У него глаз цепкий и на слово хват. /.../ Чего не надо: "силушки" - это бабье. Уменьшительные и ласкательные по-русски шепотом говорят.

/.../

Я люблю деепричастия, с ними можно ловчиться в фразе, а причастия "щи" да "вши" русскому языку - церковнославянский нанос. Трудно избавиться. /.../ От "глагольных" я отучил Пильняка, а сам не выберусь.

/.../

Читательские жалобы на Ремизова касались не только необычности его слога – многих сторонников реалистической традиции отпугивала бессюжетность и вполне внереалистический "произвол" его страниц. Всем на удивление были знаменитые ремизовские "сны", а в книге "Взвихренная Русь", наряду с фактологическими, были, например, и такие строки:

...пришел Пришвин, на себя не похож, расстроенный: хохол взбит, из носу волос, из ушей волос. "Я Каменный мост проглотил!" - сказал отдельно не своим голосом, кивнул и пропал.

Или:

Я запихал себе в рот целого цыпленка, давлюсь, рукой помогаю, а никак не проглочу. Вижу - Андрей Белый: его подвязывают к трапеции, и он кружится, как

мельница, совсем голый - по телу редкие волосики вроде куриных, когда курицу щиплют...

В критических откликах и разборах Ремизова частенько называли то "декадентом", то "символистом", то "сюрреалистом" - он только улыбался, когда в наших разговорах я напоминал ему все эти прозвища. Был же он, собственно говоря, "писателем для писателей" и с реакцией читателя "вообще" вряд ли особенно считался. "Я ни разу не задумывался, будут ли читать мое или, только взглянув на имя, расплюются", - говорил он о себе сам. Но его читали, конечно, и, исключительный мастер слова, он оказал своей стилистикой влияние на целую плеяду писателей современников - Замятина, Пильняка, Шишкова, Пришвина и других. Та отторженность от читательских кругов, которую я чувствовал в нем при наших встречах, была, вероятно, результатом отсутствия в эмиграции привычной для него литературной среды. Об этом писал он мне в письме от 6 октября 53-го года:

В России казалось, за границей на русскую книгу падки, а на самом деле - говорю за 30 лет - всё, что хотите, только не книга. Сначала я думал, так только мне - в эмиграцию попали непривычные к книге, но вскоре увидел, так и с другими, и что за граница пустыня - "прекрасная мать пустыня" /.../

Теперь, два с лишним десятка лет после смерти Ремизова (он умер в 1957 году), это его суждение кажется мне, хоть и вполне понятным, но вряд ли справедливым. Чеховское издательство в Нью-Йорке еще при жизни пи-

сателя выпустило роман его "В розовом блеске", имевший многочисленного читателя и хорошую критику. В последние годы переизданы две его книги: "Кукха" и "Взвихренная Русь". В американских колледжах писались о Ремизове диссертации. Нет, зарубежная, как он выразился, "мать-пустыня" откликается на его творчество живее, чем родина...